

С.В. ГЛУШКОВ

О ДИАЛЕКТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КЁНГИНСКОГО ГОВОРА СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Посёлок Кёнга, расположенный на берегу одноимённой реки - правого притока р. Парабели, по всей видимости - является местом давнего проживания селькупов. Современные кёнгинские селькупы затрудняются определить приблизительное время обоснования своих предков на данной территории, считая её своим исконным ареалом обитания. Административно посёлок относится к Бакчарскому району Томской области. Согласно данным департамента статистики районной администрации, в 2001 г. в этом районе Томской области по паспортам числилось 15 селькупов и 9 хантов. Вместе с детьми селькупами можно было считать 35 чел.

Географически посёлок расположен в пределах или в непосредственной близости от территории распространения южных диалектов селькупского языка, поэтому можно было бы ожидать достаточно серьёзных материальных схождений кёнгинского говора и ближайших южных диалектов. В 40 км южнее п. Кёнга протекает р. Парбиг (бассейн р. Чаи). Ближайшим соседом кёнгинского говора является, таким образом, чаинский диалект - один из южных диалектов селькупского языка. Нарымский диалект (ближайший из центральных) удалён от п. Кёнга более чем на 100 км. Можно было бы предполагать, что кёнгинский говор будет проявлять большее количество сходств с чаинским диалектом, чем с нарымским. Однако это не так. Из языковых данных, собранных у кёнгинских селькупов нами совместно с Н.А. Тучковой, явствует, что эта локальная группа, несмотря на своё южное расположение, принадлежит к нарымскому диалекту, то есть к центральному ареалу.

Можно перечислить, по крайней мере, шесть отличительных особенностей кёнгинского говора, которые сближают его с центральными диалектами и являются изоглоссами, различающими центральный и южный селькупский ареалы¹:

1) центр. *t' (č')* / юж. *k* (Кён. *č'ünd* «лошадь, конь», *č'õ* «пояс», нар. *č'ünd*, *č'õ* / чаин. *küddi/künt*, *kü*, шёшк. *künd*, кет. *kündj*, *kü*);

2) центр. *q̄q (q)* / юж. *ŋq* (Кён. *poq* «сеть», *pēq* «лось», нар. *poq*, *pēq/peqq* / кет. *poŋq̄j*, *pāŋq̄j*);

3) центр. *l (l')* / юж. *j* (Кён. *t̄il* ?ур «татарин», *tēbjl bō* «гнилое дерево», *hōl'* «горло, шея», нар. *t̄il qur*, *tēbjl bō*, *ōl'* / кет. *t̄ij qur*, *tēbij*, *sōj* шёшк. *sōj*);

4) центр. VV (долгий гласный) / крайне юж., включая чаинский, чулымский и вехнеобской, V₁V₂ (дифтонг) (Кён. *māt* «дом», *āmbīgu* «зевать», *āmdīgu* «сидеть», нар. *māt*, *ām(b)īgu*, *āmdīgu* / чаин. (Castrén) *muat*, чул. (Castrén) *oaman*, БО (Castrén) *ēamdan*);

5) центр. *š'(š)* / юж. преимущественно *s* (Кён. *š'edija* «два», *š'ī* «змея», *š'ē* «язык», нар. *šedjal šidja*, *šū*, *šē* / чаин. *sē* «язык», шёшк. *sēl š'ē*, кет. *šittī*, *sū*, *sē*);

6) окончание 1 л. ед. ч. наст. вр. глаголов центр. *-p* / юж. *-u*, *-m* (Кён. *mē špar* «(я) делал», нар. *maž'ap* / чаин. (Castrén) *miegam*, шёшк. (Castrén) *miegaul* *maž'ap*).

Самоназвание кёнгинских селькупов - *č' omīl' ?up* - практически идентично самоназванию нарымских и тымских селькупов - *č'umīl' qup*. Появление гортанного смычного ? на месте увулярного *q* в позиции начала слова характерно и для других случаев, ср.: Кён. *?āyil* «сани» и нар. *qayl / qāyil*.

Таким образом, по целому ряду признаков кёнгинский говор селькупов относится к центральным диалектам, а по соответствию *h / s* в инициальной позиции более точно определяется как один из говоров нарымского диалекта, ср.: Кён. *hēl'ž'* «семь», нар. *hēl'ž'* и тым. *sēl'ž'*.

Рассматривая данный вывод применительно к взаимному расположению диалектов, можно предположить, что территориальная близость не является обязательным условием сохранения языкового континуума, более вероятно, что таким условием является ландшафтная близость, в случае с селькупам Томской области - наличие общего водного пути. Действительно, очертания селькупских диалектных ареалов на территории Томской области в основном привязаны к бассейнам рек: диалектные различия внутри одного бассейна, как правило, менее значимы, чем между бассейнами различных рек. Другими словами, сходства диалектов пропорциональны их ландшафтной близости, и одна река, как правило, означает ареал распространения одного диалекта. Наличие общего водного пути между п. Кёнгой и нарымско-парабельским регионом обуславливает принадлежность кёнгинского говора к нарымскому диалекту, отсутствие же общего водного пути с селькупам р. Чаи приводит к гораздо менее значимому влиянию чаинского диалекта на данный говор.

На этом можно было бы закончить анализ диалектной принадлежности кёнгинского говора, если бы не неточности, допускаемые некоторыми исследователями при наименовании данной локальной группы. Так, Ю.И. Ожередов в своих работах неверно относит кёнгинских селькупов к «локально-диалектной группе... шиешгула»², то есть к шёшкупам, тогда как, по данным языкового анализа, они являются чумылькупами. Необходимо обратить внимание и на то, что в работах того же автора присутствует большое количество лингвистических ошибок, иногда носящих комический характер. Так, в другой своей работе по шёш-

купам Ю.И. Ожередов пишет: «Не исключено, что с Нижним миром мёртвых предков связано селькупское божество Кандальдук. Об этом можно судить уже из этимологии слова, означающего Корневой старик»¹. В селькупских диалектах, действительно, можно найти различные варианты произношения мифологической лексемы «Корневой старик», вот некоторые из них - *kontij ira / konžil ira / konžil' ira / konžil' ara / konžij irre* (то есть *контый ира/конджил ира / конджиль ира / конджиль ара / конджий иппе*), но форма Кандальдук, приведенная автором, это, скорее всего, - *kontil' tuk* «Корневой жук», а не «Корневой старик»!

Необходимо отметить, что в языковом аспекте чаинский, среднеобской и нарымский диалекты являются вполне самостоятельными подразделениями языка селькупов. Самоназванием носителей данных диалектных групп являются сюссыкой-кум, шёшкуп/шёшкum и чумылькуп соответственно. Как уже отмечалось, самоназвание кёнгинских селькупов практически тождественно самоназванию чумылькупов.

Чаинский и среднеобской диалекты отличаются от нарымского употреблением соответственно к- или ть-, ч - (изоглосса 1). Данная изоглосса позволяет отнести среднеобской диалект шёшкупов к южному ареалу. Чаинский, как один из крайне южных диалектов, отличается от нарымского диалекта чумылькупов и от среднеобского диалекта шёшкупов дифтонгизацией гласных (изоглосса 4). Также в чаинском диалекте (кроме нижнечаинского говора) на месте нт- нарымского диалекта чумылькупов и среднеобского диалекта шёшкупов употребляется дд- , ср.: чаин. *küddj* «лошадь, конь», *addu* «лодка», но: шёшк. *künd*, *and*, нар. *č'ünd*, *and*. Данный признак отличает чаинский от среднеобского и нарымского диалектов. Нарымский диалект отличается от шёшкупского употреблением *l(l')* на месте *j* (изоглосса 3), а от чаинского - употреблением -*p* вместо -*m* в окончании глаголов (изоглосса 6).

Таким образом, многочисленные языковые факты свидетельствуют, что кёнгинский говор принадлежит нарымскому диалекту чумылькупов, и его носители никак не могут отождествляться с шёшкупами.

Список сокращений:

- ВО - верхнеобской говор
- кет. - кетский диалект
- Кён. - кёнгинский говор
- нар. - нарымский диалект
- тым. - тымский диалект
- центр. - центральные диалекты
- чаин. - чаинский диалект

чул. - чулымский диалект
шёшк. - шёшкупский диалект
юж. - южные диалекты

Castrén - **Castrén M.A.** Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855.

¹ При подготовке статьи использованы следующие публикации: **Морев Ю.А.** Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1973; **Хелимский Е.А.** К исторической диалектологии селькупского языка / Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 68-79; **Castrén M.A.** Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855; **Donner K.** Zur Vertretung der Konsonantenverbindung Nasal + homorganer Klusil im Tschaja-Dialekt des Ostjak-Samojedischen // MSFOu L11. Helsinki, 1924. S. 36-41; **Dulson A.** Über die gdmliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // СФУ 7. М., 1971. С. 35-43; **Helinski E.** The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983.

² **Ожередов Ю.И.** Столб в погребальном обряде шиешгула // Самодийцы. Мат-лы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (10-12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 224.

³ **Ожередов Ю.И.** К вопросу о Западносибирской монументальной культовой скульптуре из дерева // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Материалы Международной конференции «21-е Дульзоновские чтения». Уфа; Томск, 1999. Ч. I. С. 246.